

ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ В ОБУСТРОЙСТВЕ ЖИЛОЙ СРЕДЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (1860–1980 гг.)

ТАТЬЯНА КИРИЛЛОВНА ЩЕГЛОВА

(Алтайский государственный педагогический университет:
Российская Федерация, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55)

***Аннотация.** В статье анализируются традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения в контексте исторических событий на протяжении 1860–1960-х гг.: начиная от культуры и быта старожильческой деревни XIX в. и массовых крестьянских переселений в период столыпинской реформы и до завершения формирования совхозно-колхозного строя и начала массового типового строительства в 1960-е гг. Выделено три самостоятельных этапа в процессе изменений в обустройстве жилой среды русским населением. Сравнивается строительный материал, технологии строительства и типология крестьянского жилища на каждом из этих этапов и исследуются их изменения под влиянием комплекса условий: этнодемографического развития, межкультурных коммуникаций, природно-географических условий, государственной политики, исторических событий. Анализируются представления крестьян о «здоровом жилище», «избяном срубном материале» и стратегиях «домообзаведения» в конкретных исторических ситуациях. Рассматривается политика государства в области жилищного строительства и характер взаимоотношений государства и крестьянства в деле «домоустройства». Делается вывод о востребованности крестьянских традиций обустройства жилой среды в периоды ухудшения положения сельского населения на протяжении всего XX столетия, о гибкости и созидательности традиционной культуры. Описываются адаптационные практики русского крестьянства, которые проявлялись при ухудшении условий жизни в повсеместном распространении архаичных способов домоустройства, таких, как земляной, дерновый, плетневой, каркасный, глинобитный и другие.*

***Ключевые слова:** этапы, условия, адаптация, технологии, материал.*

Сибирь на протяжении столетий являлась объектом государственной и крестьянской колонизации. В условиях перманентных миграций и переселений важнейшей составляющей процессов освоения новых земель была борьба переселенцев с неблагоприятными факторами. В большинстве исследований рассматривалось развитие традиционного жилища

под влиянием этнических и географических условий преимущественно в первоначальный период адаптации. Вопросы адаптации традиционной культуры к социально-экономическим и политическим условиям XX в. оставались без внимания, в том числе в период масштабных советских преобразований и партийно-государственных кампаний, а также таких

событий, как война, раскулачивание и депортации. Эти и другие события, например ликвидация неперспективных сел, вместе определили ухудшение положения сельского населения и востребованность народных традиций.

В данной публикации ставится задача проанализировать традиции и новации в обустройстве жилой среды русского населения в период, начиная с массовых крестьянских переселений в Сибирь 1860-х г. и до начала масштабного типового совхозно-колхозного строительства 1960-х гг. в контексте исторических событий. Современные междисциплинарные антропологические подходы в социогуманитарных исследованиях (устная история (oral history), культурная и социальная антропология) позволяют раскрыть важнейшие вопросы развития традиционной русской культуры на примере такого сегмента, как жилище.

В соответствии с междисциплинарным подходом используются опубликованные и архивные письменные документы и полевые материалы. Письменные источники объединяет то, что информация собиралась составителями традиционным для этнографии методом — с помощью опроса. Новое прочтение опубликованных хозяйственно-статистических исследований Н. А. Ваганова, С. П. Швецова позволяет выделить «ферменты устной истории» — материалы о «народно-хозяйственной жизни алтайского населения», полученные «путем личного опроса самих крестьян» [Ваганов 1885, I], и использовать их как своеобразные полевые материалы авторов при изучении традиционной культуры. Фрагменты информации, записанной со слов крестьян, также можно выявить в архивной делопроизводственной документации, оставшейся после инициированных региональными властями историко-статистических исследований жилищных условий переселенцев и старожилов Сибири. Они проводились с целью выявления возможностей возведения «здорового жилища» и зафиксированы в отчетах чиновников о выдаче или использовании ссуд на «возведение здорового жилища», приобретение «избенных бревен», «домостроительство», «домообзаводство».

Полевые исследования проводились под руководством автора с 1990-го г. в рамках ежегодных порайонных историко-этнографических экспедиций исторического факультета Алтайской государственной педагогической академии. Всего было обследовано более 30 сельских районов Алтайского края, 600 населенных пунктов, проведено свыше 3000 интервью¹. Направлением работы являлось изучение этнографического состава русского населения, его жилищно-производственной среды с каталогизацией жилой, хозяйственной, производственной и культовой архитектуры, источников водообеспечения, способов огораживания, внутреннего убранства жилища и т.д.

При этом внимание уделялось не только сохранившимся памятникам крестьянского зодчества, которому посвящено много публикаций, но и традициям обустройства жилой среды под влиянием всего комплекса условий: иноэтнического окружения, межкультурных коммуникаций, возможностей кормящего ландшафта, участия государственно-общественных органов власти в решении этого вопроса; демографического развития территории, влияния исторических событий; социально-экономических возможностей крестьянской семьи. Базовым элементом исследования являлось индивидуальное решение обустройства жилой среды конкретного крестьянского двора у русского населения в разные исторические периоды с 1860-х до 1960-х гг. В результате удалось выделить три самостоятельных этапа обустройства жилой среды русским населением в контексте исторических событий рассматриваемого периода времени.

Для *первого этапа* (1860-е — 1920-е гг.) характерна описанная этнографами ситуация: в обустройстве жилой среды у русских первопоселенцев в преимущественно таежной и лесостепной зоне расселения на юге Западной Сибири существовала срубная культура. На этом этапе сложились представления о «здоровом жилище», требования к «избенному» материалу, правила и принципы «домоустройства». Эталоном являлся сруб из круглых бревен определенной длины и диаметра. Его закреплению способствовало три

¹ В статье приводятся полевые материалы, собранные под руководством Т. К. Щегловой и студентами под ее руководством.

фактора: качество произраставшего леса, государственно-региональный регламент и народная традиция.

У русских Алтая лучшим считался хвойный, вызревший (кондовый) лес. Это был основной строительный материал, обладавший длительным сроком эксплуатации и экологичностью. В этом отношении народные представления совпали с региональным регламентом, в соответствии с которым с 1831 г. была закреплена практика обеспечения крестьян строительным срубным материалом — «избненными бревнами», которые предоставлялись бесплатно. Норма бесплатного отпуска составляла по 50 «строевых бревен сосны в год на каждую платежную душу». Им же были определены параметры срубного «избненного бревна» — 6 вершков, 4 сажени длины. Н. А. Ваганов, обследовав в 1881–1882 гг. крестьянские волости, лишь в отдельных случаях пишет о том, что Горное правление запрещает рубить сосну и предлагает крестьянам взамен пихту (Кольванский бор), а в степных волостях (Карасукская волость) употребляют «как строевой материал березовые бревна» [Ваганов 1885, I, 46].

В соответствии с регламентом процедура выдачи крестьянам соснового леса начиналась с составления списков о количестве необходимых домохозяину бревен на уровне сельского общества. Списки передавались старостой в волостное правление, которое направляло их в Алтайское горное правление. Горное правление по спискам делало распоряжение через горные конторы о выдаче на каждую деревню волости лесорубочного билета с указанием общего размера и количества подлежащего каждому домохозяину материала. Данный билет сельский староста предъявлял лесной страже, которая по нему отводила каждой деревне соответствующий участок в основном бору. Таким образом, крестьяне могли сами заготавливать бревна для сруба. Н. А. Ваганов писал: «каждый из внесенных в список весной или поздней осенью, приступает к вырубке и везет лес к себе, без дальнейшего контроля со стороны чинов лесного управления» [Ваганов 1885, I, 4].

Это создавало иллюзию свободы выбора и доступности леса для крестьян. Архивные документы, с одной стороны, подтверждают устойчивость традиций срубного хвойного обустройства жилой

среды, а с другой — показывают идеализацию исследователями этого процесса. Стремление сельских жителей иметь срубные сосновые дома ограничивалось расстоянием до мест произрастания и заготовки сосны. На Алтае реликтовый сосновый лес растет на местах песчаных наносов, оставшихся после отступления ледника, в виде протяженных полос-лент, протянувшихся с северо-востока на юго-запад вдоль водораздела Оби и Иртыша, разделенных обширными степными пространствами. Перечень участков для заготовки леса — свыше 30, по данным чиновников по крестьянским делам, — выглядит внушительным. Конечно, в то время запасы строительного срубного материала были большими, но расположены они были на разном расстоянии от мест жительства, получивших порубочный билет: от 5 до 160 верст. Это была первая проблема, решение которой требовало от крестьян денег. Не считая того, что за бесплатное пользование лесным материалом из кабинетских дач по регламенту 1831 г. сельское население обязано было производить опалку дворов, выходить для тушения лесных пожаров и содержать лесную стражу. Официальная оплата лесной стражи на окладную душу была от 5 коп. до 1 руб.

На деле право крестьян на бесплатный лес при дальности расстояний и стоимости его доставки реализовывалось частично. Например, крестьянам Алтайской волости (5,9 тыс. окладных душ) строительный материал отпускался из «черневых лесов» бесплатно в объеме 294,6 тыс. бревен. Но даже при самом большом расстоянии в 35 верст они «не берут всего леса, на который составляются списки, ввиду дороговизны доставки». Другие отказывались от рубки леса в указанных местах и искали строительный лес вблизи своих деревень за «неофициальную» плату. Так, «крестьяне <...> деревень Солдагой, Солоньской, Буранской и Хайрузовской <Нарымская волость>, за отдаленностью лесов и труднодоступностью вследствие гористой местности, находят для себя более удобным покупать за попенную плату лесной материал и топливо из дач, находящихся вблизи их, в Семипалатинской области» [Ваганов 1885, IV, 14].

Удорожала стоимость бревен организация заготовки при бездорожье в горной

и таежной местности. Например, в Риддеровском и Бухтарминском краях «строеным лесом каждый пользуется, где придется выхватить по горам. Лес приходится крестьянам очень дорого по труду, прилагаемому для его добычи. Нередко с горы валится и лошадь с санями и бревном» [Ваганов 1885, IV, 139]. Из чего складывалась стоимость бесплатного избенного леса для «домообзаведения» в Чарышской волости, показывает описание Ваганова: «...лес крестьяне могут получать только из Барнаульского бора, при самой близкой гужевой доставке, за 75 верст. Работник на 4-х лошадях в 6 дней может привезти 4 бревна, так что каждое дерево обходится, при даровом отпуске, в 1 руб. 50 коп.» [Ваганов 1885, IV, 185]. В общей сложности стоимость доставки превращала бревна из бесплатных в платные — от 1 до 2,5 руб. за штуку. Подсчеты показывают, что при срубе избы однокамерной стопки в 10 венцов стоимость бревен могла составить от 40 до 100 руб. Именно поэтому во многих волостях, где «избенное бревно обходится до 2-х рублей <...>, не все и не всегда, тем более ежегодно, крестьяне пользовались даровым отпуском бревен» [Ваганов 1885, I, 21]

В такой ситуации практиковались самовольные порубки, которые заканчивались столкновениями с администрацией, превратившей самовольную порубку в собственный доход: «...кто попался лесной страже, тот откупается от лесной стражи, как знает» [Ваганов 1885, IV, 139]. В таком смысле можно говорить о свободе крестьян, поскольку «действительного контроля за пользование лесом, несмотря на ряд бумажных формальностей <...>, не существует. Крестьяне оплачивают лесной надзор и хозяйничают в черных дачах без всякого присмотра (Верх-Чумышская волость)» [Ваганов 1885, I, 37]. Это дало основание Н. А. Ваганову сделать вывод, что «билеты на бревна часто выдаются после рубки, причем сами крестьяне заявляют, что каждый рубит, где попало и сколько хочет, а за излишек каждая деревня платит подлесничему. Сузунский лесничий чаще ездит, как говорят крестьяне, — «не по борам, а по деревням» [Ваганов 1885, I, 83].

Следствием этого, как показывали ре-визии чиновников по крестьянским делам, являлось преобладание малогабаритного

жилища — срубных однокамерных изб. По данным С. П. Швецова на момент обследования крестьянских селений в 1895–1897 гг., было пятистенных домов 29,5 % — 4609, связанных 17,1 % — 2672, «крестовых» 1,7 % — 268. Следовательно, более половины принадлежало к числу мелких, имеющих одно жилое помещение [Материалы по исследованию 1899, 110].

Второй этап (1880-е — 1920-е гг.) сопровождался включением степных традиций в русскую срубную культуру Сибири. Изменение этнического и этнокультурного состава переселенцев и их размещение на юге Западной Сибири обусловили инновации в обустройстве жилой среды. Среди мигрантов в 1880-х — 1910-х гг. преобладали выходцы из русско-украинского порубежья (степные губернии Центрально-Черноземной России и Левобережной Украины) и полиэтнического Поволжья. Основной территорией их расселения стали малозаселенные «пустопорожние» земли степей — Кулундинской, Барабинской, Коростылевской, что привело к формированию локальной историко-этнографической зоны. Иноэтническое влияние на этом этапе русское население испытывало в первую очередь со стороны украинской, немецкой и южнороссийской культур, что способствовало проникновению в традиции обустройства жилой среды новых материалов и технологий. Культура степи отличается ограниченными возможностями в строительных материалах, отсюда использование таких материалов, как глина, солома, камыш, чаша. В ряде районов численность украинцев или немцев в отдельные годы превышала численность русского населения. К 1920 г. в Славгородском уезде проживало 28817 украинцев, что составляло 45 % от всего населения этого уезда. Вплоть до 1980-х гг. на юго-западе Сибири украинцы и немцы составляли более 20 % населения, тогда как в Центральной — до 10 %, а в Восточной только до 1–2 % [Щеглова 2011, 73]. В условиях локализации культур строительные новации на данном этапе были территориально ограничены, массово не затрагивали старожильческой срубной культуры.

Этому способствовало на данном этапе сохранение возможностей срубного «домоустройства» в повседневных практиках

русских старожилов и переселенцев. Более того, для переселенцев государство разработало централизованную систему лесообеспечения через созданное при МВД Переселенческое управление, что было обусловлено заинтересованностью государства в «приживаемости» новоселов. Система была основана на софинансировании обустройства жилой среды: при выделении ссуд крестьян обязывали вкладывать в домостроительство собственные деньги. Появился ряд новых нормативно-распорядительных документов, регламентирующих строительство крестьянами «здорового жилья» на получаемые от государства ссуды и требования к региональным властям отслеживать ситуацию. На губернаторов были возложены «заботы о восполнении переселенцам к возведению здоровых жилищ с соблюдением Строительного Устава» [Ваганов 1885, 3].

Для выдачи/продажи уже готовых срубных бревен были созданы склады. Они (как и лес, который заготавливали самостоятельно русские старожилы) находились на разных расстояниях деревень. Это, с одной стороны, увеличило возможности приобретения леса, но с другой — отстраняло домохозяев от процесса отбора леса при заготовке. Величина ссуды, выдаваемой на приобретение леса в складах, по-видимому, была определена исходя из предыдущего опыта — от 30 до 100 руб., при вкладывании крестьянами собственных денег до 40 руб.

Наряду с деревянным срубным жилищем, здоровым было признано и саманное, но в повседневной практике русского населения Сибири оно распространено не было. Чиновник по крестьянским делам Каинского округа сообщал: «...многие из переселенцев <...>, обращаясь ко мне с ходатайствами об отпуске им ссуд на постройку домов и других хозяйственных строений, просят отпустить им эти ссуды деньгами, чтобы на них приобрести готовые постройки или лесной материал для постройки их, но возводить постройки из саманного кирпича не желают, свое нежелание объясняют тем, что сами они строить не умеют таких построек, а хороших мастеров здесь мало» [ГАТО, 3–3 об.].

При сохранении традиции строить срубные деревянные дома изменения в жилищном обустройстве не вели

к трансформации, а носили более поверхностный характер. Так, распространялась замена сосновых бревен в срубе березовыми: в Кыштовской волости Каинского уезда, Н. Лазаренко на 30 руб. ссуды и 20 собственных средств построил «березовый пятистенный дом», И. Ефремов, на ссуду в 30 руб. проживал в «березовой избе» и т.д. [ГАТО, 37, 48].

Качественные изменения проявились в стратегии обустройства жилой среды. В старожильской среде наблюдается стремление увеличить размер и количество жилых помещений. Малогабаритное срубное жилище переходит в разряд временного. «Изба» у старожилов называлась на юге Западной Сибири «стопа» (по С. П. Швецову) [Материалы по исследованию 1899, 109]. За ней закрепилось представление как о показателе бедности домохозяина. Оно сохранится в последующем у сельских жителей советской деревни: «Одна стопка. Значит, печь. Тут и спят: кто под кроватью, кто на кровати. Стопка — это печь топится, и тут спят и едят. В деревне много стопок было» (Зап. от Ольги Николаевны Крысько, 1921 г.р., с. Конево, Панкрушихинский р-н, Алтайский край. 2012 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ]. Противоположностью стал «дом», как многокамерное жилище. С начала XX в. сформировалась тенденция увеличения жилой площади за счет четырехкамерных домов (крестовиков) при массовом распространении в повседневных практиках пятистенков.

У переселенцев формируется стратегия пошагового обустройства жилища: от земляного (дернового) — землянки к однокамерной срубной избе, а от нее — к капитальному срубному дому. Из-за миграционных потоков в повседневных практиках русских крестьян Сибири массово распространились различные типы земляного жилища с обязательным сооружением хоздвора. Например, в пос. Тимофеевский (Новополюский) Шипицинской волости (Каинский уезд Томской губ.) из 36 домохозяев-переселенцев 24 успели соорудить землянку, крытую дерном, с хоздворами: амбар, крытый дерном, имели 5 домохозяев, крытый соломой — 1; двор плетневой, крытый соломой, имели 20, хлев земляной — 3. В пошаговой стратегии обустройства жилой среды можно выявить определенные новации,

например, начинать домоустройство мина, землянку, со строительства амбаров, в которых можно проживать до тех пор, пока не будет приобретен сруб для жилья. Показателен путь «от амбара к жилищу» у переселенца Василия Малышева (с. Ночка, Усть-Таргасская волость), который, заселившись в сентябре 1895 г., к 1898 г. «поставил амбарчик и начал рубить сруб для избы» [ГАТО. 45об., 48]. Таким путем переселенцы-земледельцы решали проблему хранения зерна для питания. Стратегия пошагового обустройства жилой среды оказалась эффективной. В переселенческих поселках Шелковниковской волости Змеиногорского уезда (дд. Шадруха, Кругленькая, Лаптев Лог) на третий год из 840 домохозяев в домах уже проживали 101, при подавляющем числе изб — 578 и избышек — 28. И 121 домохозяин еще строились и жили в землянках [ГАТО. Л. 150–229].

Именно в избах «на скорую руку» проявились технологические новации, которые отразились в их названиях, — *землянки, дернухи, мазанки, пластанки*. Сыграло свою роль иноэтническое влияние: переселенцы из Черниговской губ. называли дерновое жилье с углублением в землю *изба-пластанка*, а сибиряки — *изба-землянка*.

Классическим земляным жилищем у русских Сибири было дерновое жилище. С появлением переселенцев из степных регионов (русских, украинцев и немцев) в строительстве начали использовать глину. Так, по описанию Швецова (1899), «Стены у таких изб складываются из нарезанных четырехугольных пластов снятого с луговин в солончаковых степях дерна. Толщина стен варьируется от 1 до 3 вершков, а высотой они бывают в 3–3,5 аршина. В углах ставят столб. Иногда дерн пришивают жердями от столба к столбу. Стены смазывают глиной изнутри, иногда и снаружи мажут. Потолок — дощатый, заваленный «для тепла» землей, но делают потолок еще из дерна, из хвороста, смешанного с глиной, промазанного и пр. Окна — маленькие, полуаршинные» [Материалы по исследованию 1899]. Исследователь зафиксировал новацию «мазать глиной», отсюда название «мазанка». В селах Благовещенского р-на наблюдалось влияние украинцев: «...строили такие дома из пластов земли. Вырезали на том

месте, где был сам дом. В доме было одно помещение с русской печью. Топили печь соломой и кизяком. Крыши были прямыми «из пластов земли». Стены и пол внутри обмазывали глиной. Глину брали недалеко от села. Затем белили дом внутри, белую глину тоже брали недалеко от села» (Зап. от Татьяны Михайловны Семютиной, 1931 г.р., с. Ягодино, Благовещенский р-н, Алтайский край. 2012 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ]. Таким образом, новация «мазать глиной» появилась именно в земляном жилище и не распространялась на срубное. Влияние степных традиций на этом этапе коснулось временного промежуточного способа обустройства жилой среды. Но со времени появления столыпинских переселенцев расширяется область применения глины, и появляется «дом связью мазанный», «дом связью саманный» [ГАТО. Л. 73–151]. Что подтверждает и тенденцию в стратегии обустройства жилой среды переходить от «избы» к «дому» — от малокамерного к многокамерному жилищу. В отчетах чиновников сплошь и рядом встречается оценка «домозаведения»: «имеет избу — строит дом», при сохранении стратегии домохозяина: «изба-мазанка и строит деревянный».

Третий этап (1930–1960-е гг.) отличался кардинальными изменениями в системе жизнеобеспечения под воздействием экстремальных условий, которые явились следствием советской тоталитарной политики борьбы с крестьянством как социокультурной группой и внедрением колхозно-совхозной модели сельского общества. Социалистическая модернизация прервала крестьянскую традицию домостроительства, включавшую в себя приобретение и отбор леса хозяином, его подготовку к строительству и все дальнейшее обустройство жилой среды. На протяжении 1930–1960-х гг. при отстранении государства от решения жилищных проблем и маломощности колхозов крестьяне были вынуждены сформировать стратегию обустройства и выживания. Отечественная война 1941–1945 гг. и депортация народов Поволжья, Крыма, Северного Кавказа закрепили отстранение крестьян от традиционного срубного строительства и поставили их перед проблемой самостоятельного решения проблемы обустройства в экстремальных условиях.

Реконструкция жилищной среды деревни и традиций обустройства в единоличный и колхозный периоды позволяет выдвинуть гипотезу о том, что советская модернизация сельского общества и перманентные репрессии с переселением в Сибирь актуализировала народный опыт «домоустройства» и одновременно привела к появлению новаций в обустройстве жилой среды. В отличие от предыдущего этапа, эти новации приобрели массовый характер и вызвали трансформацию жилищной культуры. Прежде всего, была прервана сформировавшаяся тенденция строить традиционное срубное многокамерное жилище; колхозно-совхозная деревня перешла к малогабаритному и малокамерному строительству. Полевые обследования показали, что к 1920-м гг. из практики домообзаведения ушли дома связью как малоэффективный способ расширения жилой площади. С 1930-х гг. в результате новой политики государства из повседневной практики ушли крестовые и двухэтажные дома, служившие признаком кулачества. Выявленные в 1990–2010-е гг. срубные крестовики, построенные якобы в 1930–1960-е гг., на деле оказываются более ранними постройками, перевезенными и установленными на новом месте. Причинами их перевозки являлась распродажа домов из репрессированных сел в ходе послевоенного укрупнения колхозов и ликвидации неперспективных сел. Нами зафиксированы многочисленные устные свидетельства о «шагающих» домах, когда под них подводили бревна и перекачивали, или подводили под них тракторные тележки и перевозили на значительные расстояния. С 1930-х гг. возможности срубного домостроительства сужала политика запретов на использование леса: «Ведь тогда лес не давали. Даже березы боялись спилить. Было строго» (Зап. от Н. Ф. Грачевой, 1930 г.р.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ]. В рассматриваемое время в срубном строительстве остались избы и пятистенные дома с разными вариантами прирубов из плетня, щащи и горбыля.

Важным фактором, влиявшим на обустройство жилой среды стали, принудительные переселения. Для репрессивных кампаний были характерны ссылки и депортации семьями. Это означало, что принудительным переселенцам необходимо

было создать условия проживания для всех членов семьи, среди которых были и грудные дети, и престарелые, часто на голом месте, что актуализировало народные традиции обеспечения жильем [Щеглова 2014, 555].

В способах обустройства жилой среды у депортированных народов и раскулаченных крестьян существовали не только сходства, но и различия, которые, с одной стороны, вели к сохранению традиций, с другой — к появлению и закреплению новаций. Раскулаченные русские сибиряки, высланные с юга на север, закрепляли традиции срубного строительства в соответствии со стратегией обустройства от архаичного земляного жилища к срубному. Для этого достаточно было строительного леса, но человеческие и технические ресурсы были ограничены. Их высаживали из барж на берег (отправляли с юга на север по рекам) прямо в тайге. Полевые материалы показывают, что в стратегии выживания раскулаченных главным было устройство малогабаритного, но теплого и прочного жилья: «Деда сослали в Нарым с детьми <...> Отправляли ночью всю семью <...> Там корчевали лес и строили...» (Зап. от Марии Федоровны Хорошевой, 1924 г.р., с. Тогул, Тогульский р-н, Алтайский край. 2004 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ]. Самым распространенным названием в рассказах раскулаченных респондентов были «изба», «избушка» «избушонка» — срубное жилище небольшого размера с маленькими окошками и железными печурками.

Депортированных расселили в основном на юге Западной Сибири среди русских старожилов. Они принесли с собой степные традиции обустройства, в том числе и использование глины. В условиях войны к ним обратились и русские сибиряки.

Массовое переселение семей, нуждавшихся в жилье, привело к повсеместному распространению архаичных способов домоустройства: земляной, дерновый, плетневой, каркасный, глинобитный. Наиболее часто в полевых материалах встречается общее название жилища — землянка. Но под ним подразумевались разные варианты устройства, что частично отражалось в более частных названиях — землянуха, дерновый, пластанюшка. Именно в широком распространении

этого архаичного типа проявляются адаптационные свойства традиционной культуры, мобилизация в экстремальных условиях народных умений, этнокультурный взаимообмен. В Причумышской таежной зоне модификация земляного жилища проходила под влиянием телеутов, что отразилось в названии — «юрта». Их соорудили с использованием деревянного каркаса: «...сразу построят из дерева (чаща, хворост), а потом режут на целые пласты и <...> рядами укладывали вокруг берега <...>. Невысокие. А крыша такая же из пластов, плоская <...>. Внутри обмажут и выбелят» (Зап. от Анастасии Васильевны Зайцевой, 1921 г.р., Улус-Тараба, Кытмановский район, Алтайский край. 2001 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ].

Наиболее распространенным типом была землянка с углублением в землю («коллективная» и «индивидуальная»). В таких помещениях земляные стены обкладывали бревнами. Вот как рассказывала о таком жилище в Нарымском крае С. С. Нечаева: «стали бараки строить: выкопаем метра два, рубим сосняк и обкладываем, а потом крышу из бревен сверху, и землей засыпали» (Зап. от Степаниды Степановны Нечаевой, 1909 г.р., Верх-Алейское, Третьяковский р-н, Алтайский край. 1992 г.) [ПМА]. Такие земляные жилища с углублением в землю со ступенями сверху вниз были наиболее теплыми, для их обогрева уходило меньше топлива, на них требовалось меньше леса, строились они сообща и имели другие преимущества в условиях ограниченных возможностей. Именно землянка в ее классическом виде с углублением в землю оказалась наиболее доступным, быстрым, требующих меньших сил и затрат жилищем и в колхозном обществе. Многие семьи, вернувшиеся из «кулацкой ссылки», или вдовые солдатки жили в «землянушках»: «...с улицы прямо земляные ступени вниз, на них брошены сосновые колья, чтобы не обваливались <...>. Махонькая комнатуха. Слева — печка. Между печкой и стенкой доска уложена, там спала бабушка. Она была маленькая и сухонькая <...>. Садилась на выходящий конец доски... и прямо падала туда, спиной на доску <...>, за печку <...>. Справа от двери кровать стояла, мы с мамой спали на кровати <...> у нее в ногах... Окошко маленькое по земле и махонький столик

около него» (Зап. от Любви Александровны Соколовой, 1935 г.р., г. Барнаул. 2013 г.) [ПМА].

Наряду с известным в Сибири земляным домом, широко распространение, особенно в 1940–1960-е гг., получили дома, которые строились по каркасным технологиям, не требовавших строевого леса. Они по сравнению с землянками были более долговечны и экологичны, и многие до сих пор эксплуатируются. Одной из модификаций таких строений в 1940–1960-е гг. в лесостепной зоне стал «дом в кольях»: «Колья в бору на дом заготавливали <...>. У нас конь был. Колья сырые использовали <...>. В колья вручную глину вбивали. Досками держали, так и сох, потом доски убирали <...> (доски, по рассказам участников строительства, передавались в селе из рук в руки). До обеда стенку ставили и за один день стены готовили. Помощь собирали, потом угощали. Глину прямо на земле месили. Лошадей топтали. Колья в два ряда были, и между ними руками глину делали <...> Около недели дом сох...» (Зап. от Марии Е. Домоевской, с. Лебяжье, Егорьевский р-н, Алтайский край. 2013 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ].

Но и этот опыт в какой-то степени опирался на традиции переселенцев начала XX столетия (в данном случае воронежских): «...У деда была изба из палок. Палок навозил. Установлены палки и глиной с обеих сторон. Половина — из земли. Н, у вот по окошки из земли сделал. И в эту избу мы влезли. Труба сделана <...> Через трубу залазили туда» (Зап. от Владимира Федоровича Пенкина, 1907 г.р., с. Михайловка, Усть-Калманский р-н, Алтайский край. 1995 г.) [ПМА].

Еще одним вариантом каркасного строительства в экстремальных условиях стали «плетневые» технологии. Они также были апробированы в период переселений, но обычно в хозпостройках. В описанном выше с. Тимофеевка из 36 домохозяев 20 имели плетневой двор, крытый соломой. А с 1920–1930-х гг. плетневое строительство использовалось при обустройстве жилья в поселенческой инфраструктуре новых советских населенных пунктов: коммун, отделений колхозов, ферм, летних бригад. Его применяли переселенцы в волны голода 1920-х гг.; в военное и послевоенное

время — «безмужичне» вдовы. Оно было доступно и по материалу, и по технике сооружения: *«Приехав “с тоболи”, “в голодуху” с 9 ребятишками... Мы около озера жили... Таволошник, горошник, тальник. Пойдешь, нарубишь, вытащишь, прутиками свяжешь, веревки-то не было <...>, принесем на себе. Пойдешь в бору колья нарубишь <...>. Привезешь с бора колья, вобьют и плетут. Часто колья ставили, чтобы хорошо переплелись <...>. У нас папаня и баню сплел. Баню-то замазывали глиной с двух сторон. В глину соломки добавляли, труху какую-нибудь, мякину. Мажешь там толсто, одна глина трескается — глина-то не раскисала. Землей сверху накрывали, чащи накидают, кругляши ложили, накатывали <...>. Плетневый двор был ...»* (Зап. от Марии Васильевны Денисовой, 1920 г.р., с. Лебяжье, Егорьевский р-н, Алтайский край. 2013 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ].

Новационный характер носило распространение каркасного строительства с использованием камыша в 1940–1960-е гг. Много камышитовых домов сохранилось в степных районах, богатых озерами с камышом, например, в Кулундинской и Коростылевской степях. В советско-колхозный период их массово строили и русские, и украинцы, и немцы: камыш нарезали в августе-сентябре на озерах, связывали пучками, делали каркас из чащи в виде двойных рядов, забивали пучками камыша, установленного вертикально, обшивали прутьями или дранкой. Стены обмазывались глиной снаружи и изнутри. Этот опыт был широко востребован в советское время для строительства жилья при освоении целины в 1950–1960-е гг. В степной зоне были созданы кустарные предприятия по производству камышитовых плит для обеспечения колхозного и совхозного строительства стройматериалами. Как описывали очевидцы, камышитовые плиты изготавливались на этих предприятиях «в традиции», когда пучки камыша определенной толщины скрепляли проволокой в виде щита. Для возведения стен делался каркас из мелкого нестроевого леса, поставленного вертикально в два ряда на определенном расстоянии. Его заполняли камышитовыми плитами, вплотную друг к другу по длине и друг на друга в высоту. Затем обшивали длинной тонкой рейкой и штукатурили.

В советское время и в переселенческих степных, и в старожильческих таежных и лесостепных зонах широкое распространение получило глинобитное и саманное строительство. «Саманухи» из сырцового глиняного кирпича и «литухи» — глинобитные дома, по свидетельствам респондентов, в 1940–1950-е гг. строили «целыми улицами». Полевые исследования показали, что распространение саманного строительства среди русского населения связано не столько с влиянием украинских переселенцев, как часто пишут в исторической литературе, сколько с репрессированными немцами и армянами. В отличие от украинцев, селившихся в ходе переселений компактно, они расселялись дисперсно по всей территории. Часто «самануха» строилась по типу пятиястиенка, но кухня и горница разделялась русской печью. Крышу делали из «соломы или камыша». Внутри дом также обмазывали глиной и белили: *«...все строилось из самана: формируют <глину> в формы, они высыхают, из них уже выкладывали дом. Кирпичи самоделки <...>. Глина — сырец»*. Именно в советское время с вынужденным использованием некондиционного строительного материала русского населения закрепился прием «мазать глиной»: *«Жили в родительском доме, глиной были измазаны домики <...>. Пол смазывали глиной. Как вечер, берешь горшок, глину, навоз перемешиваешь и мажешь пол. “Наливка” называлась. Утром встанешь, свежо, чисто. Белили белой глиной, на озерах брали»* (Зап. от Марии Никитичны Абрамовой, 1936 г.р., с. Орлеан, Благовещенский р-н, Алтайский край. 2012 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ].

Таким образом, именно в 1940-е — 1950-е г. произошло смешение традиций обустройства жилой среды и произошли трансформации в господствовавшей до этого времени срубной культуре. Эту этнокультурную разницу отмечают респонденты из русских старожилов: «лепили избушку», «хатки появились с глины да соломы», «штукатурить стали, мазать стены стали», «хохлушка тут всех научила стены мазать», «у немцев учились саману» и т.д. Пример смешения технологий в военное время описан в рассказе русской сибирячки: *«<...> в 19 лет сама землянку сделала. На быках возили с сестринным сыном за жердями, а с мамой ездили за*

хворостом. Навозили чашу. Сплели плетень, с избы заштукатурила, а снаружи дерном обложила. Дерн резала лопатой, пласты натаскаю, накладу, все очищу. Сверху глиной залила. Глина с осокой. Сначала жерди плела. Потом заштукатурила. Сверху побелила. Печку сама свила, баньку. Плетень плела из забоки — прутья гибкие. И огород вокруг загораживала... Семь лет жила в землянке» (Зап. от Ольги Федоровны Казанцевой, 1923 г.р., с. Верх-Черное, Смоленский р-н, Алтайский край. 1993 г.) [ПМА].

Хотя, как показывают полевые исследования, эти новации были вынужденными. Старожилы и переселенцы при малейшей возможности стремились поставить рубленый дом. Уже с 1940-х гг. и до наших дней массовое развитие приобрела покупка старых срубных сооружений и их перестройка в жилые дома. В 1940–1950-е гг. это были амбары, в 1970–2010-е гг. — крестовые и пятистенные дома 1880-х — 1920-х гг. Лес, особенно в амбарах старожилов, был очень высокого качества, обычно из лиственницы, и, по образному выражению наших респондентов, при перестройке «аж звенел», «гвоздь не вобьешь», «пила звенела!». Нами даже отмечен такой феномен в русской деревне, как возрождение срубного строительства из разобранных материалов в послевоенные 1940-е — 1950-е гг. по типу пятистенок с преобладанием двухскатных крыш. В частности, много перестроенных в жилье амбаров было зафиксировано в Причумышье, в Предсалаирье, в предгорьях Алтая, в приборовых территориях юга Западной Сибири. Так, в с. Ларичиха Тальменского р-на в 1950-е гг. в жилье был перестроен амбар двухкамерного типа. При перестройке амбарного сруба из лиственницы врубкой «вкосяк» демонтировали внутреннюю перегородку, были прорублены окна, сбита глинобитная печь, *«полати строить не стали, детей клали на полу, около кровати родителей»* (Зап. от Анны Ивановны Угловой, 1938 г.р., с. Ларичиха, Тальменский р-н. 1996 г.) [ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ]. Сруб поставили прямо на земле, самцовый фронтон забили досками, сделав в нем с одной стороны лаз на чердак. А вот прирубы к таким домам сооружали из других материалов. В данном случае по длинной стороне сруба со стороны уличного входа соорудили пристройку из досок.

Таким образом, парадокс заключается в том, что советское время по-своему создало «благоприятные» условия для возрождения отдельных компонентов традиционной культуры в ходе социокультурной адаптации к новым реалиям и условиям. Проявилось это в широком распространении способов возведения жилья с использованием архаичных строительных традиций и материалов и одновременным внедрением новаций. Востребованность архаичных этнокультурных традиций диктовалась такими условиями, как мало-мощность и низкий материальный уровень жизни колхозного общества, необходимость строить из подручных средств и жилые, и хозяйственные объекты. Как говорят информанты, «солому с колхоза брали бесплатно. И глину тоже...»; «А где лес брать? Колхоз не давал. Сам нищий!»; «У колхоза лесу не допросишься».

«Благоприятными» для трансляции этнокультурных традиций в поселенческо-жилищном строительстве стали великие советские стройки и реализация масштабных программ по переустройству советского общества. Даже в городах, например в Барнауле, в 1930-е гг. во время комсомольской стройки Меланжевого комбината на окраине города появился район из дерновых землянок и литух для проживания строителей и первых рабочих. Подобные условия складывались и в экстремальные периоды советской истории, связанные с голодом 1920-х, 1930-х, 1947 гг., с раскулачиванием, репрессиями и депортациями, Отечественной войной 1941–1945 гг. и послевоенным временем, а также с кампанией по ликвидации неперспективных деревень. Именно этнокультурные традиции обустройства жилой среды помогли выжить крестьянским семьям. В Сибири они сначала применялись переселенцами, а в XX в. этот опыт в силу его простоты, доступности и дешевизны распространился повсеместно, в том числе и в культуре русских сибиряков. Причем у старожилов, строивших ранее деревянные срубные дома, в обустройстве жилой среды закрепляется глина, камыш, хворост. Штукатурка и побелка вытеснили традиционную для срубного строительства внутреннюю и внешнюю отделку стен; в периоды ухудшения экономического состояния были мобилизованы

более архаичные формы — различные типы земляного дома, широко распространилось плетневое и каркасное строительство. Все это этнокультурное

многообразие в XX столетии изменило пространственные и временные конфигурации обустройства жилой среды русского населения Сибири.

Литература

Ваганов 1885 — Ваганов Н. А. Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа: В 4 ч. СПб., 1885. Ч. I. Барнаульский округ; Ч. II. Кузнецкий округ; Ч. III. Томский округ; Ч. IV. Бийский округ.

Материалы по исследованию 1899 — Материалы по исследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: В 2 т. / Сост. С. П. Швецов, П. М. Юхнев. Барнаул, 1899. Т. 2. Вып. 1. Население. Жилище.

Щеглова 2011 — Щеглова Т. К. Русские, украинцы, немцы, казахи степного запада Алтайского края: формирование переселенческой историко-этнографической области и сельского культурного ландшафта (материалы к Историко-этнографическому атласу Алтайского края) // Этнография Алтая и со-

предельных территорий: Материалы 8-й Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Т. К. Щеглова. Барнаул, 2011. Вып. 8. С. 72–83.

Щеглова 2014 — Щеглова Т. К. Жилище раскулаченных и депортированных в условиях принудительных переселений 1920–1940-х годов: материал, технологии и типы по устным историческим источникам // Материалы науч.-практ. конференции «Знать, чтобы не забыть: тоталитарная власть и народ в 20-х — начале 50-х годов XX века» (30–31 мая 2014 года). Усть-Каменогорск, 2014. С. 554–571.

Сокращения

ГАТО — Государственный архив Томской области. Ф 3. Оп. 36. Д. 3773

ЦУИиЭ ЛИК АлтГПУ — Архив Центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алтайского государственного педагогического университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой отечественной истории; заведующая Центром устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета: Российская Федерация, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, д. 55; тел.: +7 (385) 238-84-33; e-mail: tk_altai@mail.ru

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN DWELLING ORGANIZATION OF RUSSIAN POPULATION IN THE SOUTH OF WESTERN SIBERIA IN THE CONTEXT OF HISTORY DEVELOPMENT IN THE 1860S – THE 1980S

TATYANA SHCHEGLOVA

(Altay State Pedagogical University:
55, Molodezhnaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation)

Summary. The author analyzes traditions and innovations of dwelling conditions and their development among the Russian population in the context of the historical events during the period from the 1860s up to the 1960s. Old-timers' village of the 19th Century changed during great migrations of rural population in the period of Stolypin's reform and further on after the Revolution during the period of formation of state and collective farms up to the start of mass building in the 1960s. It is suggested to distinguish between three periods of development of dwelling environment of the the Russian population along with the course of historical events during the lapse of hundred years. For each period the author has compared building materials, construction technologies and typology of peasant's dwelling under influence of the complex of conditions: ethno-demographic development, intercultural communication, natural-geographic resources, state politics, turning points of history. Peasant's notions about "healthy dwelling", "log

house material” and strategies of “settling down” in concrete historical situations get analyzed. State politics in the sphere of house building and relations between the state and peasants are characterized. Dwelling development is viewed as a constituent of adaptation of Russian peasants to changing social-economical and political conditions during cardinal reorganizations and transformations of the Russian village in the 20th Century, including repressions, dispossession of prosperous farmers and deportations, the war and liquidation of minor villages. Flexibility and creativity of traditional culture ensured adaptation practices used by Russian peasants, that found their manifestation in wide spread of archaic ways of house constructions, such as earth, sod, brush, wood-framed and pise-walled during the periods of deterioration of position of agrarians.

Key words: development stages, dwelling, conditions, adaptation, technology, material.

References

Shvetsov S. P., Yukhnev P. M. (comp.) (1899) *Materialy po issledovaniyu mest vodvoreniya pereselentsev v Altayskom okruge* [Materials for Studies of the Places of Settlement of Migrants in the Altay Circuit]: In 2 vol. Vol. 2. Issue I: Naselenie. Zhilishche [Population. Dwelling]. Barnaul. In Russian.

Shcheglova T. K. (2011) *Russkie, ukraintsy, nemtsy, kazakhi stepnogo zapada Altayskogo kraja: formirovanie pereselencheskoy istoriko-etnograficheskoy oblasti i sel'skogo kul'turnogo landshafta (materialy k Istoriko-etnograficheskomu atlasu Altayskogo kraja)* [Russians, Ukrainians, Germans, Kazakhs of the Steppe West of the Altay Territory: Formation of Immigrant Historical-Ethnographical Area and of the Rural Culture Landscape (Materials for Historical-Ethnographical Atlas of the Altay Territory)]. *Etnografiya Altaya i sopredel'nykh territoriy* [Ethnography of Altay and Adjoining Territories]. Proceedings of the 8th International Scholarly Conference. Ed. by Shcheglova T. K. Barnaul. Issue 8. Pp. 72–83. In Russian.

Shcheglova T. K. (2014) *Zhilishche raskulachennykh i deportirovannykh v usloviyakh*

prinuditel'nykh pereseleniy 1920–1940-kh godov: material, tekhnologii i tipy po ustnym istoricheskim istochnikam [Dwelling of the Dispossessed as “Kulaks” and Deported in Conditions of Compulsory Migration in the 1920s — 1940s: Material, Technology and Types according to Oral Historical Sources]. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Znat', chtoby ne zabyt': totalitarnaya vlast' i narod v 20-kh — nachale 50-kh godov XX veka» (30–31 maya 2014 goda)* [Proceedings of the Scholarly-Practice Conference “To Know not to Forget: Totalitarian Authority and People in the 1920s — early 1950s”, held on the 30th–31st of May 2014]. Ust'-Kamenogorsk. Pp. 554–571. In Russian.

Vaganov N. A. (1885) *Khozyaystvenno-statisticheskoe opisanie krest'yanskikh volostey Altayskogo okruga: V 4 ch.* [Economic-statistical Description of Peasant Rural Districts of the Altay Territory: In 4 vol. St. Petersburg. T. 1. Barnaul'skiy okrug [Vol. 1. Barnaul Circuit]; T. 2. Kuznetskiy okrug; Tomskiy okrug [Vol. 2. Kuznetsk Circuit; Tomsk Circuit]; T. 3. Tomskiy okrug [Vol. 3. Tomsk Circuit]; T. 4. Biyskiy okrug [Vol. 4. Biysk Circuit]. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: tk_altai@mail.ru

Tel.: +7 (385) 238-84-33

55, Molodezhnaya str., Barnaul, 656031, Russian Federation

Full Professor (History), professor, head of Homeland History department; head of the Center for Oral History and Ethnography, Altay State Pedagogical University
